

Виктор Банев

Когда рубят лес

Когда вертолет улетел, мы посидели еще немного, покурили, потом начальник экспедиции поднялся, затоптал сигарету и сказал, ни на кого не глядя:

— Ну, пошли поглядим, что ли... Саша, поведешь?

Я достал из кармана компас и взял азимут на Дерево. Отсюда, с поляны, оно не производило впечатления чего-то особенного — крупный кедр, поднявшийся над мелколесьем. Видали мы и не такое. Подойдем, поглядим. Вот только подходить предстояло не меньше пары километров. А мелколесьем казались тридцатиметровые кедры, чей возраст перевалил за пару столетий...

Впервые об этом Дереве упомянули в шестьдесят восьмом году, когда в Академию Наук пришло письмо какого-то туриста. В нем он описывал дерево, высоту которого не сумел определить. А вот окружность ствола он все-таки измерил — с помощью основной веревки из комплекта альпинистского снаряжения. Четыреста пятьдесят метров.

Над письмом посмеялись, процитировали в «Вестнике АН СССР» в

разделе «Надо же!» — и забыли. Потом, во времена активизации уфологов и прочих adeptов тайных знаний, в конце семидесятых, эту сенсацию реанимировал какой-то доброхот — и снова ничего. И вот совсем недавно доктор биологических наук Маргарита Игумнова случайно наткнулась на дискуссию о «дереве толщиной в сто метров».

Маргарита Александровна была в то время в предпенсионном возрасте, крупных научных достижений за ней не числилось, и терять ей в смысле научной репутации было нечего. За неимением. Однако честолюбие у нее имелось, да еще какое! Оно-то и заставило ее ухватиться за этот призрачный шанс оставить след если не в истории, то хотя бы в «Вестнике». Подняв вопрос во всех форумах Интернета, имеющих хотя бы мало-мальское отношение к деревьям, растениям и даже деловой древесине, она нашла, в конце концов, спонсоров, грантодателей, покровителей и крышевателей, свела всех лицом к лицу — и процесс, как говорится, пошел.

В этой пестрой компании собрались телевизионщики трех стран, дендрологи из МГУ и Тимирязевки, научный консультант лесозаготовительной фирмы, сплоченная группа представителей «Гринписа»... Двое американцев, умело прикидывавшихся туристами, недогнувшей рукой выложили на организационные цели «двадцать тонн капусты». Заместитель алтайского губернатора тоже изволил принять участие. Мы с Витькой были приглашены на роль главных обезьян: лезть на дерево.

Когда я позвонил Витьке, вопрос решился моментально:

— Витек, пойдем?..

— Конечно...

— А чего не спрашиваешь — куда?

— А какая на фиг разница...

Вот такой у меня друг Витька.

Сначала мы довольно долго шли по мшистому густому кедрачу, затем выбрались на неширокую грядку, постепенно повышавшуюся в нужном нам направлении. А потом мох под ногами сменился толстым слоем опавшей хвои, а небо закрыли невообразимо огромные ветви, распластавшиеся на высоте около полусотни метров. И тогда мы увидели ствол Дерева.

Минут пять мы просто стояли, потрясенные увиденным. Дерево действительно существовало и действительно было огромным. Даже когда вертолет перед посадкой облетел его кругом, Дерево казалось нереальным. А сейчас прямо перед нами вздымалась серо-коричневая шершавая стена, уходящая куда-то в небеса. Впрочем, от подножия ствола мы могли разглядеть только темно-зеленый потолок на пятидесятиметровой высоте. Но и это потрясало воображение и заметно подавляло. Так что в последующие полчаса мы разговаривали исключительно вполголоса. Потом, конечно, привыкли. Человек ко всему привыкает, даже к великому и непостижимому.

До темноты общими усилиями мы перетащили часть снаряжения к стволу Дерева и развернули базовый лагерь. Потом поужинали. Спать никому не хотелось.

— Где-то здесь, по верованиям русских старообрядцев, располагалось Беловодье, — вдохновенно вещала Юлия, экстрасенс и уфолог, экзальти-

рованная особа, с момента посадки не расстававшаяся с целым набором разнообразных рамок-биолокаторов. — В Европе встречаются отдельные «места Силы», а здесь практически сплошное поле очень большой положительной напряженности!

Слушая эту бредятину, я задремал, а когда проснулся, разговор шел уже о другом.

— ...Да, мамонтово дерево, *Sequoiadendron giganteum*. Но оно бывает до ста метров высотой, не более, к тому же, судя по хвое и коре, здесь у нас обыкновенный кедр, то есть сибирская кедровая сосна, *Pinus sibirica*..

— А возраст? — спросил кто-то из темноты.

— Секвойи известны до четырех тысяч лет. В Скалистых Горах есть несколько сосен — некрупные такие деревья, условия роста там тяжелые, вегетационный период короткий; так вот, им по шесть с половиной тысяч.

— Ни хрена себе, — отозвался тот же голос.

— Oh... really? It's great, — это среагировал кто-то из американцев.

— Ну, вот мы завтра начнем бурить и определим, сколько этот экземпляр простоял.

Я встал, подошел к Дереву и приложил ладонь к коре. «Какой же ты здоровенный, — с уважением подумал я. — Кедр-батюшка. Это тебе не тонкая рябинка. И не береза, белая подруга, которую некому заломати. Этого заломашешь, пожалуй. Полтора метра в поперечнике. Если годовые слои, скажем, по миллиметру, то тебе семьдесят-восемьдесят тысяч лет. Не слабо. Мы еще с каменными рубилами бегали, еще до топоров не догадались, наверное, а ты уже рос. Поковыряемся тут, уйдем, а ты будешь дальше расти себе...»

— ...В западноевропейском эпосе, особенно скандинавском — Игтдрасиль. И было оно связующим звеном между нижним, людским миром и верхним миром богов. Причем мотив Мирового Древа очень долго встречался в орнаментах. Предполагают, что почитание некоторых деревьев — оттуда же.

— Кстати, а вы заметили — здесь комаров нет?

— Ну, какие сейчас комары... Они уже спать полегли, да и нам пора.

— А все-таки! Я и раньше заметила — когда мы к нему подошли, все комары куда-то подевались...

«Действительно, — подумал я. — Днем, когда мы таскали снаряжение, я заметил, но не придавал этому значения: на поляне гнус, как ему и положено, свирепствовал, а возле Древа стояла полная тишина. Просто тогда было не до энтомологии: перебросить две тонны груза на два километра не так легко. Ладно, утром проверим», — сказал я себе и полез в спальный мешок.

С утра наконец началась работа. Дендрологи бродили вокруг ствола с рулеткой, брали образцы коры, смолы и древесины. Гринписцы с гринписками ползали у них под ногами, ловя каких-то жучков и собирая какие-то травы. Вокруг этого бедлама носились все три бригады телевизионщиков, мешая друг другу и обмениваясь тяжкими взаимными оскорблениями. «Бурильщики» принялись ввинчивать в ствол бурав Пресслера, наращивая его съемными секциями по мере углубления в древесину. В большой палат-

ке уже стоял бинокулярный микроскоп и лотки, куда надлежало поместить длиннущую колонку древесины, и дендрологи приплясывали от нетерпения, предвкушая, как будут разглядывать годовичные слои. Мы с Витькой наконец смогли заняться распаковкой и подгонкой своих «снастей».

Пять километров швейцарской основной веревки. Километр репшнура. Лебедка. Жумары — механические самохваты для подъема по веревке. Штопорные крючья, модифицированные для ввинчивания не в лед, а в дерево и очень похожие на гигантские шурупы. Лесенки. Кошки с хищно торчащими вперед титановыми зубьями. Обвязки. Все — лучшее из того, что можно достать за деньги. Я вспомнил, как мы с Витькой лезли на Куликалонскую стену с самодельным снаряжением, и тяжело вздохнул.

Время подходило к полудню, когда из группы «бурильщиков» раздалась невнятные крики и кабы даже не мат. Все рванулись на этот призыв, и выяснились удивительные вещи. Оказалось, что наши добры молодцы, углубившись в дерево примерно на двадцать метров, прервали вращение бурава на пару минут, чтобы нарастить его новой секцией. За эту пару минут двадцатиметровую штангу заклинило насмерть. Все попытки повернуть бурав оказались тщетны. Когда же парни надели на ручку бурава полуметровую трубу и навалились вчетвером (сила есть — ума не надо!), штанга лопнула в толще древесины, метрах в трех от коры... Оставшийся отрезок удалось извлечь после получаса пыхания, сопения и теперь уже откровенного мата, и чудом удержавшийся в нем полуметровый столбик древесины с торжеством понесли в палатку. Снуров долго таранился в микроскоп, подсчитывал что-то на калькуляторе, потом вздохнул:

— Ну, в общем, конечно, очень приблизительно, но даже при самых осторожных допущениях...

— Ну! — выдохнули все хором.

— ...около трехсот пятидесяти тысяч лет. Плюс-минус пятьдесят процентов.

Наступила гробовая тишина. Потом кто-то из телевизионщиков откашлялся и осторожно спросил:

— То есть... оно старше, чем человечество?

Снуров резко встал:

— Оно, возможно, старше, чем человек как вид разумного существа! И тем не менее это обыкновенный кедр. Провалиться мне на этом месте. Химики, что скажете?

— Состав древесины и смолы — типичный для кедра, — отозвался один из МГУшников.

— Микробиологи?

— Нечего нам тут делать, — мрачно заявил другой. — Вы будете, конечно, очень смеяться, но ни в смоле, ни в древесине микрофлоры-микрофауны нет вообще. Даже грибов. На поверхности коры что-то копошится, но такое угнетенное, будто его креозотом поливали.

— Я знала, я знала! — восторженно завопила экстрасенс Юлия. — Я же говорила — биополе этого дерева...

— Да бросьте вы с вашим биополем! — взвился микробиолог.

— Это не мое биополе, это его биополе!

— Неважно!.. Кедровая смола всегда была прекрасным антисептиком, а если здесь еще и удачная мутация...

— Вот почему он такой старый! — воспряли духом телевизионщики и всем стадом кинулись снимать в разных видах ствол, кору и изувеченный бурав.

— Ну что же, — сказал мне Витька, — значит, мы можем спокойно заворачивать свои крючья, дереву это не повредит.

— Да, — согласился я, — а то мне всегда жалко было портить деревья... Лишь бы нам это не повредило.

Мимо прошли Снуров и тип из «Алтайфореста». Краем уха я уловил обрывок их диалога:

— ...Древесина как древесина... прочность — обычная для кедра, что на разрыв, что на сжатие...

— Но как оно под собственным весом не сплющится? Я же подсчитал — не меньше трех миллионов тонн, не считая ветвей...

— Не знаю! Не знаю! Может, его бог за макушку держит!

«И в самом деле, — подумал я, — как же такая штука держится? Вот еще одна загадка...»

Вечером, после ужина, ученые собрались толпой и долго препирались, пуская в ход латинские выражения. Насколько я понял, они оказались перед лицом сложнейшей проблемы: как назвать Дерево на благородном языке Вергилия. Среди разнообразных идей мелькнул даже вариант *Pinus Siberica Igumnovi*, но большинство отвергло его с негодованием, аргументируя свою позицию темными и малопонятными ссылками на какие-то личные качества доктора б. н. Игумновой. Мне эта интеллигентная ругань быстро надоела, и я пошел к Дереву.

Из отверстия, проделанного буром, набежал небольшой потек смолы со слабым, приятным ароматом. Подобрал сучок, я выстрогал из него аккуратную пробочку и заткнул рану Дерева: продырявили, бросили, ушли — некрасиво получается... Затем побрел, ведя одной рукой по шершавой стене коры, и едва не споткнулся о скрючившуюся у ствола фигуру. Экстрасенс и уфолог Юлия восседала спиной к стволу в классической позе лотоса, вариант «отражение наваждений», и что-то тихо бормотала. Глаза у нее были совершенно стеклянные, и вообще непонятно было, на каком она сейчас свете.

— Ом, — сказал я в качестве приветствия.

— О-оммм... — отозвалась она, не поворачивая головы. — Добрый вечер, Саша. Хотите?

Я не успел спросить, что именно она имеет в виду, как она двумя ловкими движениями мазнула мне по вискам смолой.

— Помогает от всего. Поднимает настроение вообще. К тому же повышает сенсорные способности... Посидим?

Мы молча посидели пару минут: Юлия — вновь сложив ноги кренделем, я просто на корточках. Она опять начала впадать в транс, а я чувствовал себя полным дураком, потому что ничего особенного не ощущал. Ну, вечер теплый, хороший лес кругом, комаров нет. Баба рядом сидит симпа-

тичная... Но это же не причина лезть на стену от восторга или совершать еще какие-нибудь глупости!

— Юля, — осторожно обратился я.

— А?

— Что вы здесь надеялись найти? Ну, ради чего было тащиться в такую даль?

— О, Саша! Ну как же! Это же древнейший в мире биологический объект! У него должно быть совершенно уникальное биополе! Представляете, сколько информации оно впитало за эти тысячи лет? Когда-нибудь мы научимся считывать эту память, откроются невероятные...

«Безнадежна, — подумал я. — Сколько сил тратят чудачки на изучение того, чего нет. Биополе какое-то...»

— ...бесполезные усилия нашей косной науки. И к тому же мне поездку оплатил мой друг, он бизнесмен... Хорошо тут, — внезапно сменила она тему, — жаль только, что купаться негде.

— Как — негде? — удивился я. — А ручей?

— Мелко там...

— Тут метрах в ста омуток есть, даже с водопадом, — обрадовал я ее, — не хуже джакузи, а вода — в Москве такой не найдешь!

— Ура, — обрадовалась экстрасенс и уфолог. — Проводите?

— Что, прямо сейчас?

— Ну да, а почему бы и нет?

«А почему бы и нет, — подумал я, — что в этом такого? Почему бы женщине и не ополоснуться на сон грядущий. А одной в лесу с непривычки уютно».

На берегу омутка Юлия еще раз выразила восторг и решительно принялась снимать ботинки. Потом на хвою полетела штормовка.

«Интересно, — подумал я, — она что, весь день в купальнике ходила?»

— Саша, а вы что, не хотите купаться?

— Я... э... не в форме... — выдавил я с некоторым усилием.

Юлия хмыкнула и стащила безрукавку через голову.

«Москва, блин, продвинутая...» — ругнулся я про себя, поскольку отсутствие купального костюма (равно как и вообще костюма) экстрасенса и уфолога ни капельки не смущало.

— Ой, колется... а тут песочек! Прелесть какая! А водичка... И-и-их!

Стоя по пояс в воде, она обернулась:

— Напрасно вы, Саша, отказываетесь...

Возвращаясь в лагерь в сгустившейся темноте, мы огибали ствол Дерева, и тут я на что-то наткнулся. Я не скажу, чем я наткнулся, но было очень больно. Несколько придя в себя, я пошарил кругом руками и понял, что это за препятствие.

— Юля! Оно... оно выдавливает бур из себя!

Юля, стоя на коленях, зажигала одну за другой ломающиеся спички и шепотом ругалась при этом так, что грузчики покраснели бы. В дрожащем свете я разглядел торчащий из ствола обломанный конец бура, липкий и блестящий от смолы.

— Вот это да...

Через две минуты все дендрологи в разной степени неодетости, безжалостно вырванные начальником из объятий Морфея, сустились вокруг вылезшей из ствола железяки.

— Хорошо, — сказал кто-то, — что всего одна секция сломана. Можно будет повторить бурение...

Черта с два — повторить. Выдавив из себя метр стальной трубки, Дерево этим и ограничилось. Все попытки вытянуть бур успеха не принесли. Разочарованные, мы вновь расплозлись по спальным мешкам.

И вот настал мой день, наш с Витькой день. С утра все собрались у Дерева и молча глазели, как мы готовимся к подъему. Впрочем, нам оглядываться по сторонам было некогда.

Обвязка. Кошки. Набор «штопоров». Пара жумаров. Запасная пара жумаров. Веревка. Две коротких лесенки. Самое главное — два айсбайля, похожих на маленькие кирки, с хищно изогнутыми зубастыми клювами. Рюкзачок со всякой полезной мелочью. Рация в нагрудном кармане. Все.

— Ну, ни пуха... — сказал Снуров.

— К черту — отмахнулся я. — Пошли, Витек.

Вообще это напоминает модное развлечение — лазание по сосулькам. Сначала вбиваешь с размаху в дерево правый айсбайль, потом передние зубы левой кошки. Потом левый айсбайль. Поднимаешься, пока не выпрямишь левую ногу. Вбиваешь правую кошку. Подтягиваешься на айсбайлях, затем перебиваешь их: правый-левый. Теперь можно переставить кошки: левая-правая. И еще раз. Правой рукой снять с груди «штопор» и завернуть в лед... тьфу, в дерево. Продеть в ушко штопора карабин, в карабин — веревку. Можно двигаться дальше.

Минут через двадцать мы добрались до первой ветки. Выбрались на верхнюю сторону, посидели, отдохнули. Потом Витька прошел до разветвления, свернул направо, еще раз направо — и наконец добрался до ветки с хвоей. Я вынул из кармана рацию и нажал тангенту:

— Земля, я кедр-один. Принимайте первый образец.

— Кедр-один, я земля. Видим, видим. Получили. Как идет подъем?

— Все нормально. Следите за крючьями — не выжимает их дерево?

— Нет, пока не заметно...

До обеда мы навесили двести пятьдесят метров веревки и подняли на третью ветку небольшую лебедку. Спустились поесть. Все подходили к нам, поздравляли с успехом, желали удачи. Когда мы, наевшись до отвала и выпив полведра чаю, блаженствовали на травке, подошел начальник.

— Вот что, ребята, — сказал он, — вы молодцы, конечно, но синоптики нам обещают еще неделю хорошей погоды, а там — дожди и похолодание. На сколько вы успеете подняться?

— Если ни на что не отвлекаться, спать на Дереве и есть на ходу, — задумчиво прикинул Витька, — то километра два одолеем.

— Ясно... Пока можно будет подымать лебедкой — будем вам посылать готовый харч. Спальники возьмете с собой, воду и сухой паек на всякий случай подыдем завтра. Надо набрать как можно больше высоты.

— Кстати, о высоте, — подключился я, — сколько ее там всего?

Снуров замялся.

— Геодезист наш что-то крутит, на рефракцию ссылается, но в общем клянется, что не меньше полутора километров...

— Если не больше — за неделю сделаем. Легко.

— В том-то и дело, что больше. Явно больше.

— А какая ошибка у него получается? — поинтересовался Витька.

Я ожидал цифры в десять-двадцать, ну пятьдесят процентов, но когда Снуров сказал «два-три порядка», мы долго не могли прийти в себя.

«Штопоры» действительно сидели хорошо. Дерево то ли не пыталось, то ли не могло их отторгнуть. Мы быстро поднялись до третьей ветки, ледбедкой подняли спальники и гамаки и полезли дальше.

Раз... Два-три-четыре... Раз... Два-три-четыре... Раз... Два-три-четыре... «Штопор». Карабин. Веревка. Короткий отдых. И снова: раз... Два-три-четыре...

Когда начало темнеть, мы повесили гамаки, съели по паре галет, запив их водичкой из фляги, и полезли в спальники.

— Витек...

— А?

— Сколько на твоём альтиметре?

Витька завозился, доставая приборчик. Вспыхнула подсветка экрана, озарив его озабоченную рожу.

— Черт знает что. Сколько мы веревок навесили?

— Триста девяносто.

— Моя машинка кажет пятьсот пятьдесят семь.

Я полез за своим альтиметром, убедился, что он показывает двести двадцать метров, и не найдя других слов, выразился нецензурно.

— Оба врут, похоже.

— Похоже... Ну ладно, завтра поглядим.

Спал я плохо. Снились почему-то мешки с кедровыми орехами на рынке в Люблино, штабеля дров размером с панельные пятиэтажки и лешие в ватниках с бензопилами. А когда просыпался, подолгу лежал в темноте, слушая Витькино сопение. И все время казалось мне, что кто-то внимательно смотрит на меня из темноты. Причем не справа, где открытое пространство, а слева, где мое плечо упиралось в ствол Дерева. Странно.

— Ну и силен ты ухо давить! — Витька уже поднял снизу котелки с кашей и чаем. — Вставайте, граф, уже друзья с мультиками...

— С базуками, бл-л-лин... — я потянулся и полез из спальника, — сколько натикало?

— Девять скоро. Через час, хе-хе...

— Так вот, Алекс. Сколько, по-твоему, у нас высоты?

Я снова достал свой альтиметр: триста пятьдесят.

— Ну, как хочешь, — ухмыльнулся Витька, показывая свой: двести тридцать.

— А когда завтрак поднимал, по репшнуру прикинул: вообще сто во-семьдесят. Чертовщина.

— А по веревкам, значит, триста девяносто.

— Накрылась, в общем, австрийская электроника, — заключил Витька, убирая альтиметр в рюкзак. — А с репшнуром я просто ошибся. Да еще растяжение.

«Дай бы бог, — подумал я, — но не к добру это».

За день мы навесили еще полкилометра веревок, а на «точные приборы» мне даже и смотреть не хотелось. На одной из боковых веток обнаружили шишки, и мы отправили их вниз, опять вызвав среди дендрологов бурное ликование. На ночевку мы устроились на площадке, образованной мощной развилкой, шириной не меньше двадцати метров.

— Вот здорово, — восхитился Витька, — хоть пляши.

— Американцы из пня одной секвойи танцплощадку сделали, — вспомнил я давно прочитанное.

— Ничего, из этого пня стадион можно сделать, — Витька как-то сразу помрачнел, — все во имя человека, все во благо человека... То есть это мы думаем, что во благо. И на хрена мы с тобой сюда полезли?

— Не полезли бы мы, полезли бы другие, — попытался я успокоить друга, но его уже понесло.

— Хоть и дуры они, эти гринписки, а в главном они правы: сначала уничтожаем, потом охраняем! Ведь спилят же Дерево, как пить дать спилят! Иначе зачем бы с нами этот из «Алтайфореста» увязался?

— Они рассчитывали, что у этого дерева прочность будет неимоверная. Ну, и миллион кубов кедра тоже на дороге не валяется... Ладно, перекусим — и баиньки. Да не вздыхай ты так тяжело, все пока нормально.

— А я не вздыхал, — удивился Витька.

— А что же я тогда сейчас слышал?

— Ничего себе... Послышалось, наверное.

— Может быть, — согласился я, чтобы не спорить.

Молча мы сварили на примусе суп из концентратов и чай, поели и разложили спальники.

— Береженого бог бережет, — заявил Витька, вворачивая в древесину страховочный «штопор».

— А небереженого конвой стережет, — согласился я. — Вить, а тебе тут не странно?

Витька поворочался, устраиваясь, потом повернулся ко мне:

— А, ты тоже заметил? Как будто кто-то рядом все время стоит и смотрит, да?

— Душа Дерева, — шутя предположил я и вздрогнул: в тишине совершенно отчетливо слышалось хихиканье.

— ...Слышал?

— Слышал... Что это?

— Я бы сказал — кто... — Витька подтянул к себе поближе айсбайль.

— Эй, — негромко произнес я, — кто здесь? Выходи, покажись. Обижать не будем.

Тишина.

«Хреновое дело, — подумал я, — галлюцинации коллективными не бьют, что-то тут посложнее...»

Мысль о сверхъестественном в голову, естественно, не лезла. Я вообще-то рационалист, скептик и даже до некоторой степени циник — жизнь научила. При встрече с абсолютно непонятным я бы скорее предположил, что у меня не в порядке с головой, чем то, что в моей картине мира зияют крупные прорехи.

— Так, — сказал Витька, — глюки начались, что ли? Эй, выходи! Выходи по-хорошему, а то хуже будет! — крикнул он уже погромче.

Снова тот же тихий смех... Вот оно! Я стремительно оглянулся на звук, светя фонарем, и успел заметить, как в нескольких метрах от нас на поверхности ствола успокаивается что-то вроде волн от брошенного в воду камня.

— Ага, — сказал я, — это уже что-то. Ты видел?

— Видел, — мрачно сказал Витька. — Все, абзац. Крыша поехала.

Мы вылезли из спальников и подошли к месту, где только что успокоились эти странные волны. Я ощупал и простучал кору, даже потыкал ее острием ножа. Ничего. Кора как кора, звук — деревянный, глухой. Никакого скрытого дупла... И тут откуда-то сзади вновь раздался этот ехидный смешок. На этот раз я был настороже и обернулся моментально — как раз чтобы увидеть на поверхности ствола очаровательное девичье личико. Мгновение спустя оно подернулось рябью, затем рябь приобрела рисунок коры, и лицо, уплощаясь, исчезло, сравнившись с поверхностью ствола...

— Да воскраснет Бог, да расточатся врази Его... — Витька торопливо махал перед лицом щепотью, вытащив из-за ворота серебряный крестик.

«Ну, значит, видел, — обреченно вздохнул я, — значит, все. Теперь только к Кашценке...»

Эту ночь мы провели без сна, однако ничего странного больше не наблюдали. Утром, обсудив вдвоем ситуацию, мы вызвали по радио «землю» и ультимативно потребовали день отдыха. Снуров начал было бормотать о прогнозе погоды и сжатых сроках, но то ли до него что-то дошло, то ли он уловил металл в моем голосе — согласился.

Витька, заложив веревку в рогатку-тормоз, сиганул вниз. Перед тем как двинуться следом за ним, я подошел поближе к стволу, положил ладонь на теплую шершавую кору и сказал негромко, словно бы в шутку:

— Не балуй тут. Вернись — поговорим.

В базовом лагере стояла тишина. Экстрасенс и уфолог Юлия принимала солнечно-воздушную ванну. Деятель из «Алтайфореста», сидя на ящике, с мрачным ожесточением истреблял каких-то монстров на экране своего ноутбука. Из научной палатки доносились вялые голоса: «Семь первых... Вист... Припасну для пользы дела...»

— Интеллектуальная элита, мать ее ети, — ядовито заметил Витька. — Что докладывать будем?

— Пока только факты, а там видно будет, — пожал я плечами, — как начальство отреагирует...

— Санитарную «вертушку» вызовет, — вздохнул мой напарник, — с командой крепких санитаров... Ладно, ты иди к начальству, а я сейчас подойду.

— ...Поэтому высоту определить не удалось, — закончил я свой доклад. Снуров вздохнул:

— Никогда я не доверял этой электронике. С веревками оно надежнее. Будем считать цифру по длине навешанных веревок наиболее достоверной. В общем, даю вам сутки отдыха. Ешьте, пейте... в смысле, в меру пейте! А потом продолжим. Кстати, — спохватился он, — при подъеме можно будет дополнительно посчитать высоту по числу шагов, а?

— Попробуем, — согласился я.

— Ну ладно, отдыхайте.

Выйдя от начальника, я огляделся и юркнул в медицинскую палатку. Эскулап, отложив в сторону тетрадку, в которую что-то записывал, профессионально-доброжелательно уставился на меня. Я решил не тратить время на хождение вокруг да около:

— Что делать, если от усталости мерещится всякая фигня?

Профессионально-доброжелательное выражение сменилось профессионально-заинтересованным:

— Что именно? Голоса, зрительные галлюцинации, нарушения сна?

— Ну... и то, и это... всего понемногу...

— Для начала давайте-ка вас посмотрим.

Признаюсь, я не ожидал, что экспедиционная медицина достигла таких высот: вместо банального термометра и тонометра наш эскулап был оснащен приставкой к компьютеру-ноутбуку. Облепив меня датчиками, он долго тыкал в клавиши и внимательно изучал экран, потом пожал плечами:

— Вы тоже в полном порядке. Некоторая усталость, конечно, но объективно вы в норме.

Он пошарил в огромном алюминиевом кейсе с красным крестом на крышке:

— Для лучшего сна — вот это, полтаблетки на ночь. А если что-то мерещиться будет — вот вам ингалятор. Средство новое, но уже себя зарекомендовало. Очень мощное, йогов из нирваны выдергивает, как репку из грядки.

— Спасибо. А почему вы сказали, что я «тоже»? Не Витек ли к вам сейчас заходил?

Врач засмеялся:

— Это будет нарушением врачебной тайны! Идите, идите! Если повторится — срочно обращайтесь. Береженого бог бережет...

Весь день мы с Витькой отдыхали — купались в ручье, загорали на поляне, даже сыграли пару партий в карманные шахматы, обнаружившиеся у генетиков. Таблетки «для сна» я выбросил, Витька свои приберег, но глотать не стал. Однако ночь мы проспали спокойно.

Утром мы снова отправились наверх. Правда, на этот раз никто, кроме начальника, нас не провожал. Во всем лагере воцарились лень и тишина.

Сначала я пробовал подсчитывать «шаги», вернее, движения жумаром по основной веревке. Но на третьем привале меня посетила неожиданная мысль: а зачем я это делаю? Какой в этом смысл? Я поделился сомнениями с напарником и неожиданно встретил самую горячую поддержку.

— Ты прав, кореш, — заявил Витька, — кому оно нафиг надо мерить эту высоту? Я и так скажу, что выше этого дерева нет и быть не может. Я даже смекаю, что это как бы не совсем дерево.

— Ну, еще чего, — усомнился я, — а что ученые говорят, слышал? Дровесина как дровесина...

— Да не в дровесине дело! Это как бы **ВООБЩЕ ДЕРЕВО!** В нем дух всех деревьев в мире...

— Эх ты загнул, — не выдержал я, — в мире... Дух деревьев... Это уже язычество какое-то пошло, а ты у нас, брат, православный...

— Одно другому не мешает! — с жаром возразил Витька. — Предки наши хоть не шибко просвещены были, а истину нутром чуяли. Зря, что ли, они деревьям поклонялись, священные рощи хранили? Да и Дерево — вот оно, куда его денешь? Все как есть по индоевропейской мифологии.

Я подумал о том, что общение с хиппарями и эзотериками не осталось для Витьки безнаказанным, и предпочел прервать дискуссию. На третьей тысяче щелчков жумара я наконец основательно сбился и с облегчением прекратил нудные подсчеты. Вспомнилось, как мой первый наставник в альпинизме, инструктор альплагеря «Джантуган», на вопрос «на какой мы высоте?» отвечал, усмехаясь: «Ну, три двести двадцать... Полегчало тебе? Воспринимай жизнь качественно, а не количественно, бухгалтер!»

К вечеру мы добрались до развилки, на которой остановились в прошлый раз. Развернули спальники. Перекусили прихваченными снизу макаронами. Не спеша попили чаю. А когда укладывались спать, я подошел к стволу и сказал:

— Мы очень устали сегодня. Дай нам, пожалуйста, отдохнуть. Завтра мы с тобой пообщаемся.

И, не обращая внимания на Витькины ухмылки, добавил:

— Спокойной ночи...

Как ни странно, обращение возымело действие. Ночь прошла спокойно, ни голосов, ни смеха, ни беспокоящих снов ни я, ни Витька не наблюдали.

Чудеса начались на следующее утро.

Теперь я точно знаю, что почувствовал Гулливер, просыпаясь впервые на побережье Лилипутии. Он почувствовал дикий ужас. Все-таки лишение свободы — это мука, страшнее которой нет для того, кто привык к свободе и знает в ней толк. И особенно — в первое мгновение.

Я уже не помню, что именно подумал, когда проснулся и убедился, что не могу двигаться. Вряд ли меня посещали столь глубокие мысли, скорее всего, я просто испугался и разозлился одновременно. Оглядевшись насколько возможно, я убедился, что стянут поверх спальника крепкими и гибкими кедровыми ветвями толщиной в палец, выросшими за ночь прямо из ствола каким-то чудом. «Ну что же, — подумал я, — душа Дерева тоже имеет право на испуг... и на самооборону — всеми доступными ей средствами».

Немного повозившись, я все же смог дотянуться до ножа и сразу почувствовал себя увереннее и спокойнее. А успокоившись, я решил не торопиться. Для начала я мысленно обратился к Дереву: «Я могу освободиться сам. Но давай решим дело по-хорошему». И стал ждать.

Минут через пятнадцать я почувствовал, что могу, двигаясь понемногу, выползти из спальника. Первым делом я решил посмотреть, как дела у Витьки. А дела у него обстояли неважно: он лежал, плотно стянутый све-

жевыросшими ветвями, и шепотом молился, закрыв глаза.

— Помогает? — спросил я, когда он ненадолго прервался.

— А... Как ты... Или ты не?..

— Я его попросил.

— Кого?

— Дерево, естественно.

— Сдаешься? Уступаешь нечистой силе?

— Да нет. Договариваюсь с Разумом.

— Черт знает что. Слушай, это нам точно не снится?

Я приложил ладони к коре: «Отпусти его. Это мой друг. Мы должны быть вместе. Он такой же, как я. Он тоже хочет сделать все по-хорошему».

И Дерево ответило мне. На меня обрушилась настоящая лавина страха, боли, ненависти, неприятия. Съжившись под этим враждебным нажимом, я с трудом понял, что ощущаю переданные мне мысли и эмоции моего друга. «За что? Почему?» — «Все, что не от Бога — то от Сатаны! Дай лукавому только прикоснуться к тебе — и ты погиб! Душу береги, душу!»

Ну и ну. Вот уж не ожидал. Неужели он до такой степени?..

— Витька, — ошеломленно выговорил я, — оно же живое... и похоже, что разумное! Зачем ты так?

— Это не жизнь, это нежить! От Сатаны это! — убежденно ответил Витька. — Стоит только раз поддаться — и хана твоей душе! Ну, долго ты еще ждать будешь? Режь давай!

Давненько мы с Витькой так не ругались.

— Атеист упертый! Ну, в Бога ты не веруешь, но дьявол-то есть, а? Тут-то ты спорить не станешь?

— Приехали! А с какой стати? В конце концов, почему именно эта жизнь от лукавого, а не от бога? Что тут у тебя за признаки такие?

— Ну, ты и тупой! Сразу видно, отцов церкви не читал! Как я тебе алгебру излагать буду, когда ты в таблице умножения не рубишь?

— Знаю я твою алгебру! Алхимия с астрологией! Три источника и три составные части! Краткий курс священной истории! Человек — венец творения, а все остальное ему на потребу! Да ты просто обиделся, что тебя слегка отшлепали!

— Кто это меня отшлепал?

— А Дерево!

— А ты... а ты — ренегат рода человеческого!

— Поп, толоконный лоб!

— Язычник дремучий! Гринпис недорезанный! Погоди, икнется тебе еще это!

Витька наконец не выдержал и торопливо начал рыться в альпинистском железе. Потом так же торопливо застегнул на себе пряжки обвязки, заложил веревку в «рогатку» и обернулся ко мне:

— Запомни, Саня: кто не с Богом, тот с дьяволом! Одумайся! Или хотя бы остановись вовремя!

— Что это ты задумал?

— Священник здесь нужен — пошугать здешних бесов. Мне это не по плечу, знаний недостает, да и веры, пожалуй. Но ты... Смотри, Саня, худо будет!

Я не выдержал и расхохотался.

Витька сморщился, плюнул и сиганул вниз по веревке.

... Лучшее средство для восстановления душевного равновесия в полевых, а равно и в домашних условиях — это не спеша, со вкусом выпить хорошего чая. Этим я и занялся, а потом отдохнул, сидя спиной к стволу дерева и стараясь ни о чем не думать. За этим занятием и застал меня вызов по радио. Вызывал сам Снуров.

— Кедр-один, я земля. Саша, что там у вас стряслось?

— Земля, я кедр-один. Доброе утро, шеф. Кто-нибудь есть рядом с вами?

— Ну, есть, а что?

— Выгоните к чертовой матери. Обеспечьте нам, э-э, конфиденциальность. В особенности этих... гиен пера, то есть телевидения, в шею.

Через пару минут Снуров включился снова.

— Кедр-один, я земля. Ну вот, лишних поразогнали. Слушаю тебя, Саша.

— Дерево начало проявлять, скажем так, информационную активность. Мне кажется, что оно пыталось вступить с нами в контакт. Виктор оценил это как происки врага рода человеческого и сбежал. Кстати, как он там? Прием.

— Понял тебя. Витя сейчас, э-э, отдыхает. А как ты себя чувствуешь?

— Я в порядке, хотя, конечно, слегка обалдевши. Намерен продолжать наблюдения, вести записи. По-моему, сейчас бросать это дело не время. Прием.

— Саша, мы ожидаем ухудшения погоды, дождь и сильный ветер. Думаю, что тебе лучше было бы спуститься. Как понял? Прием.

— Понял отлично. Дайте-ка мне нашего костоправа.

— Зачем тебе?

— Задам пару вопросов.

— Задавай, я на любой отвечу.

— Мне нужен врач.

— Ну хорошо, жди.

Через несколько минут рация ожила вновь.

— Кедр-один, я земля-четыре. Приветствую вас, Александр. Как самочувствие?

Я ухмыльнулся.

— Пульс 62, давление 120/80. Температура 36,6. Хрен стоит как положено. Устраивает?

— Да, вполне. А что за вопрос?

— Начальник рядом? Вообще-то я задаю врачу медицинский вопрос. Как там с медицинской этикой?

— Задавайте. Он не слушает.

— Ну хорошо. Что там с Витькой?

— Спустился в крайне возбужденном состоянии. Вел себя неадекватно. Дали релаксант. Сейчас спит. Но патологии пока не вижу.

— Ага... — я помедлил. — Доктор, если я, скажем, применил ваше зелье, а оно не помогает — что это значит?

— Хм... Значит, это не галлюцинация... или уже, хе-хе, поздно... Надо более сильнодействующие средства. Это шутка, не волнуйтесь. Может,

все-таки спуститесь, Саша?

— Ну уж фигурки вам! — взорвался я. — Чтоб вы и меня вашими релаксантами глушили, как Витьку? Что там у вас в запасе, аминазин?

— Ну зачем вы так? Просто отдохнете, я констатирую вашу вменяемость, это вам может очень пригодиться.

Мне показалось, он хочет что-то сказать мне «между строк», но не решается.

— Вы можете подняться ко мне, если не жаль времени.

— Мы подумаем и об этом, — голос Снурова был резок. — До связи. Ко-нец.

«Не нравится мне это, — подумал я, выключая рацию. — С Витькой что-то неясно, эскулап о чем-то умалчивает, шеф на что-то намекает... Опять вокруг какая-то мышиная, вернее крысиная возня. Не люблю».

Почему люди ходят в горы, в тайгу, плывут по рекам? За свои деньги, в свое свободное время? Да, наверное, потому что там, на скалах и льду, в дремучих ельниках, под бешеными пенными каскадами нет места двуличию, хитрости, спеси, снобизму. Там все просто. Или ты можешь подтянуться, зацепившись за полочку двумя пальцами, или тебе нечего делать на этой стенке. Или ты пару суток подряд плюешь на мокрые ноги и тяжелый рюкзак, или оставайся дома. Или ты понимаешь напарника по катамарану с полуслова, с полугребка, или смотри на Катунь по телевизору, в крайнем случае, с берега. А словесные выкрутасы и подковерную борьбу оставим тем, кто поднаторел в искусстве загребания жара чужими руками. Им, конечно, легче живется, но я им не завидую: у них свои сложности. Как говорила одна моя знакомая: хочешь сидеть на шее — раздвигай ноги...

Да и плевать на них, у меня тут своих дел по горло. Я вытащил из рюкзака блокнот и на чистой странице подробно описал все, что происходило у нас на Дереве с того момента, как мы обнаружили разницу в показаниях альтиметров. На отдельном листке записал все свои предположения относительно наблюдавшихся явлений. Ну вот, теперь порядок.

Я поудобнее уселся лицом к стволу Деревя и обратился (к чему? к кому? наверное, к душе Деревя...) вслух:

— Нам теперь никто не мешает. Теперь мы можем поговорить.

И почти не удивился, услышав в ответ из-за спины спокойно-снисходительное:

— Ну, давай поговорим...

«Диана, — подумал я. — Артемида-охотница. Дриада какая-то».

— Ты удивлен? Тебе что-то не нравится? — голос у нее оказался под стать внешности: мелодичный, можно сказать — нежный и в то же время уверенный, с какой-то внутренней силой.

— М-м... нет... то есть все в порядке... только если б ты еще приоделась малость...

— А, это... — фигура передо мной слегка затуманилась, затем снова обрела четкие очертания. Но теперь дриада была облачена в нечто белое, перхваченное в талии тонким пояском и вызывающее уже только античные ассоциации.

— Почему ты выглядишь именно так? — ничего умнее для начала мне в голову не пришло.

Она лукаво улыбнулась:

— Я такова, какой ты хотел бы меня видеть...

— Но я...

— ...подсознательно.

Как она меня, однако. Надеюсь, что я не покраснел. Но с другой стороны... Красива. То есть не просто красива, а гармонична. Все на месте, и ничего лишнего. В результате — вполне владеющий собой мужик вот уже четвертую минуту не знает, что сказать.

Да черт побери! Делом надо заниматься! Я решительно раскрыл блокнот на чистой странице.

— Для начала: кто ты такая или что ты такое?

— Я — форма общения Дерева и Человека. Посредник. Способ выражения, способ обмена информацией.

— Так ты что, только видимость?

— Я и видимость, и слышимость, — обиделась она, — а дам по морде — так и осязаемость будет!

— Извини, пожалуйста. А что такое Дерево? Откуда оно взялось?

— Оно не взялось. Оно было всегда.

— Ну, а что оно такое?

— Оно Дерево. Оно живое. Оно содержит жизнь. Оно поддерживает жизнь.

Хм... Красиво, но непонятно.

— Ладно... А какой оно высоты?

— От Земли до Космоса.

— Ого! Километров триста?

— Вот глупый. Каких еще километров? Тебе же говорят — от Земли до Космоса! Соединяет Жизнь и Мир! При чем здесь километры?

— Извини, — вздохнул я, — не понимаю. Если оно есть, у него есть размеры. Толщину мы померили, а высоту почему-то не можем...

— И не сможете. Ты сейчас где?

— В каком смысле? Ну, на Дереве...

— Вот именно! Не на Земле! И, некоторым образом, не в Мире! Еще не добрался! Ну какие тут могут быть километры?

Хм... Еще менее понятно. Что-то я себе не так представлял устройство окружающего пространства...

— Так... Значит, если я продолжу подъем, то в конце концов попаду в космос?

Она рассмеялась — легко, весело, но с каким-то оттенком снисходительности.

— Размечтался! Для этого мало просто лезть. Для этого надо подняться.

— Это как? Разве это не одно и то же?

— Как — это я и сама не знаю. Я ведь не там и не тут, я — между. Сущности твоей тоже не знаю. А насчет «одно и то же» — ну ты сказал!

Мне показалось, что я заглядываю в бездонный колодец. Нет, моей подготовки в философии явно не хватало на то, чтобы задавать правильные

вопросы. Попробуем иначе.

— У людей есть мнение, что это Дерево — как бы идея дерева вообще, любого дерева. Оно должно содержать в себе все, что есть в каждом дереве — в сосне, в березе, в клене...

— Близко, — одобрительно отозвалась она, — но не совсем точно. Точнее в ваших понятиях будет так: Дерево — это живая система, содержащая, сохраняющая и поддерживающая характерные особенности жизни вообще.

— Помедленнее, пожалуйста, я записываю...

Она не спеша повторила. Похоже было, что она сама только сейчас вывела это чеканное, но опять-таки непонятное определение.

— А вот у нас полагают, что живое принципиально ничем не отличается от неживого...

— Да? А вы можете создать из неживого материала живой организм?

— Нет, пока не можем.

— Ну, как сможете — приходите, еще поговорим, — и она засмеялась, очень довольная.

Я решил, что это — предложение «окончить дозволенные речи», но дриада покачала головой:

— Да нет, спрашивай еще.

— Есть ли еще где-нибудь на Земле такие деревья?

— Нет. Раньше были на каждом континенте. Они погибли — все по разным причинам... В Африке стояло Дерево в образе баобаба. Так получилось... Не знаю точно, видимо, совпало изменение климата и начало кочевого скотоводства... В общем, ты, наверное, знаешь, что теперь такое — Сахара... Засохло, да... В Америке, в Скалистых Горах — когда людям там понадобился строевой лес, они спилили Дерево. Это было непросто, особенно с тогдашней техникой, но они были настойчивы и изобретательны. Дерево пыталось с ними поговорить, но бесполезно — одни из них были как твой друг, а другие просто глухи. Они его свалили за три года. И потом пятьдесят лет пилили на доски... Вот вы какие, люди. Быстро живете и часто умираете, да. Но у вас же есть память! И вы умеете ее передавать! Так почему вы забываете? После того как погибло Дерево в Америке, рухнула экосистема Великих Равнин. Вся почву Арканзаса просто сдуло в Мексиканский залив. Пока стояло Дерево, еще можно было как-то удержать... А! — она безнадежно махнула рукой. — В Амазонии Дерево уже упало! Там очень сложные взаимосвязи, и когда начали рубить сельву, оно долго болело, но сейчас уже поздно. Это — последнее.

Мне было нестерпимо стыдно за человеческий род. Уши горели почти в буквальном смысле. Не поднимая глаз, я торопливо строчил в блокноте. Потом, все так же не поднимая глаз, спросил:

— А что будет с тобой, если и это...

— Со мной? А что будет с веткой? Ты забыл, что я в каком-то смысле и есть Дерево. Вот что будет с тобой — это интереснее.

— В каком смысле?

— Ну как ты до сих пор не понял? Сам принцип жизни держится сейчас именно и только на этом Дереве! Я не знаю, может быть, все живое сразу умрет, а может быть — только со смертью последней клетки Дерева. А мо-

жет быть, Вселенная схлопнется, как проколотый шарик... Не знаю. Но не жели вам так хочется попробовать?

— Мне — ни в коем случае. Но меня вряд ли спросят.

— О, прости. Я совсем забыла, что вы все — отдельные личности, самостоятельные души. Мы-то все и всегда были едины. Знаешь, каково это, когда в Австралии горел Великий Эвкалипт? Как будто от тебя кусок отрезают.

Я взглянул на нее и вздрогнул: такая мука стояла в черных аттических глазах, что мне пришлось отвести взгляд.

— А снова... снова вырасти такое Дерево может?

— Не знаю. Вряд ли. Во всяком случае, из семян других Деревьев не выросло. Из моих орешков растут обычные кедры, *Pinus siberica*. Живут лет по четыреста-пятьсот, как и положено кедру, но ни один еще себя не проявил. Хотя чисто теоретически один из миллиона должен бы... но пока — нет.

— Черт бы побрал эту Маргариту, — пробормотал я, — не сиделось ей...

— Кто это такая?

— Инициатор этого бардака, что у твоих корней раскинулся.

— А... Да она не очень и виновата. Не она — так кто-нибудь другой пошел бы за знаниями напролом. Время такое, думать людям некогда. Вы просто немного обогнали время. Понимаешь, технический и экономический прогресс всегда обгоняет моральный и социальный, но сейчас между ними уже не зазор, а дыра.

«Ну и ну, — подумал я. — Сажу на дереве в полукилометре над землей и беседу — с кем? С душой Дерева! О чем? О прогрессе человечества! Шизофрения! Кстати, о шизофрении...»

Не сводя глаз с дриады, я сунул руку в карман рюкзака, достал крохотный баллончик, вставил трубку распылителя в ноздрю и от души нажал на головку.

— Что... ты... делаешь!.. — отчаянно закричала она. Лицо ее страшно, невозможно исказилось, по нему пошли какие-то цветные волны, потом все тело ее стало на мгновение каким-то плоским и черно-белым — и она исчезла.

Мы втроем — я, Витька и доктор Юра — сидели на берегу ручья и пили спирт. А что нам еще оставалось? Я так никому и не показал блокнот, в котором записал все, что случилось на Дереве. А зачем? Все равно это теперь представляет интерес разве что для истории болезни. Так или примерно так я говорил заплетающимся языком, глядя на тускло светящиеся угли костерка.

— Если бы знал, что глюки бывают до такой степени похожими на жизнь — раньше бы попробовал. Но до чего же обидно! Ведь могло же быть, что все обстоит именно так...

— Говорил я тебе, — встрял Витька, — наваждение это все, от лукавого оно...

— Да иди ты в жопу — говорил он! — взорвался я. — Ничего ты особенного не говорил! Ты-то первый обосрался и тиканул оттуда!

Витька хотел было обидеться, но доктор остановил его.

— Все может быть не так просто, Саша, — мягко сказал он. — Возмож-

но, что это были и не галлюцинации.

— То есть как?

— Довольно просто. Если эта... это... в общем, если дриада для своего существования использует ваше представление о том, какой она должна быть, то ее исчезновение или разрушение вполне объяснимо. Это средство, — он подкинул на ладони полупустой баллончик, — подавляет деятельность подкорки, причем весьма избирательно. Я не специалист в психологии, я обыкновенный врач, костоправ со «скорой помощи», но могу предположить кое-что. Такие медикаменты должны начисто убивать, хотя бы временно, способность к парапсихологической деятельности.

— А при чем тут пара... и так далее? — удивился Витька.

— Очень просто. Если Дерево для создания образа дриады использовало информацию из памяти Саши, то воздействие средства прервало канал связи. Тут она, бедная, и рассыпалась.

— Это несложно проверить! — воодушевился я. — Сейчас, наверное, уже все зелье из меня выветрилось — ну так залезем и снова посмотрим...

— Сиди уж, — усмехнулся Витька, — пьян как фортепьян, а туда же еще, залезет он.

«Да не в том дело, — подумал я. — Не покажется она теперь, я же ее так оскорбил, как никто никого оскорбить не мог. Я заподозрил, что она — наваждение, пожелал, чтобы ее не было — кто это может простить? И Витьке она не покажется, он в нее не верит, а если верит, то весьма своеобразно».

— Может быть, ты, Юра?

Доктор опустил глаза.

— У меня высотобоязнь, ребята. Я на третьем этаже на балкон выйти не могу. На вертолете и то сидел носом в стену...

«Ладно, — подумал я. — Завтра протрезвею — и належке наверх. А сейчас...»

— А сейчас, — сказал Юра, поднимаясь, — в люлечку и баиньки. Утро вечера мудренее...

...Вертолет, пригибая тайгу ревом турбин, поднялся с поляны. Я молча сидел, прислонившись к мелко дрожащему дюралевому борту. Под ногами у меня лежал рюкзак, набитый кедровыми орехами. Теми самыми орехами с того самого Дерева.

Я поднимался на Дерево еще трижды, но дриада так и не показалась. Дерево не желало со мной общаться. Я прекрасно понимал, что заслужил это, но все равно было очень обидно. Как в детстве, когда однажды меня на неделю лишили права гулять во дворе за то, что я нечаянно разбил единственную в нашем доме хрустальную вазу...

Доктор Юра протянул мне плеер. Я послушно нахлобучил наушники.

*Он движется мимо строений, в которых стремятся избежать судьбы,
Он легче, чем дым. Сквозь пластмассу и жесть
Иван Боддхидхарма склонен видеть деревья там, где мы склонны видеть
столбы,*

И если стало светлей — то, видимо, он уже здесь...*

* группа «Аквариум», «День Серебра»

Нечего и говорить, что высоту Дерева нам так и не удалось определить.

— Не беда, — отмахнулся представитель «Алтайфореста», — завалим — померяем! — И засмеялся, страшно довольный. — Завод тут поставим, дорогу до реки проложим. Кедр идет по сто пятьдесят баксов за куб, за год все окупится. А потом...

— Не рассчитывайте, мы не допустим! — подбоченилась одна из «гринписок».

Лесоторговец вытаращил глаза:

— Вы? Да кто вас, в натуре, спрашивать будет? У нас уже чисто конкретная делянка выделена...

Я ничего не сказал. А что говорить? И главное — кому?

Вернувшись в Москву, я отыскал фирму, занимающуюся садовым дизайном, и устроился на работу. На трех гектарах на границе Московской и Ярославской областей я опекал тысячи саженцев ели, пихты, можжевельника, разных видов сосны. А весной на особой делянке высадил орешки Дерева.

Я ни на что особенно не рассчитывал, да ничего особенного и не произошло. Всходы появились в свое время, и они ничем не отличались от тех, что выращивали мы на других делянках. Кедр сначала растет довольно медленно, и я понимал, что мне понадобится бездна терпения. А пока хватало и другой работы.

Проглядывая специальную и популярную литературу, я особо отмечал рост стоимости акций компании «Алтайфорест» и падение цены на древесину кедра. Откладывал и внимательно читал статьи о деградации биосферы. Хотя бы из любопытства мне не хотелось упустить момент, когда жизнь на Земле начнет умирать. Как ни странно, я был уверен: все, что случилось со мной, все, что я помнил — было на самом деле. И поэтому я чувствовал себя одновременно Иоанном Богословом, Кассандрой и орузловским ребенком на уроке в «умиральне». Этакое отстраненное любопытство: пациент еще жив, но уже смердит, я знаю, что будет дальше, но знаю и то, что сделать ничего нельзя и что никто мне не поверит...

Время шло, и я смирился с тем, что ничего особенного у меня не выйдет. Иногда мне звонил Витька, рассказывал новости из мира странствующих и путешествующих. Я вежливо выслушивал его, потом возвращался к своим саженцам. Полыл, рыхлил, поливал. Я не доверял это никому из наших крепко пьющих работяг, поскольку не надеялся, что они будут бороться за каждый пророк. А я боролся, да еще как!

И еще год прошел. Мои кедрята перезимовали и теперь подрастали, подставив солнышку свежие темно-зеленые хвоинки. Как единственного непьющего работника филиала, меня назначили бригадиром, и дел, естественно, прибавилось. Я работал на делянках, ругался с алкоголиками, принимал на работу новых и увольнял к чертовой бабушке спившихся окончательно. Дни были неотличимы один от другого, как граненые стаканы, но двадцатое мая прошлого года я помню и буду теперь помнить до гробовой доски. Двадцатого мая прошлого года жизнь на Земле была спасена.

Вечером того дня, закончив работу на «фирменной» делянке, я решил

навестить свою. Еще издали увидел я, что у одного из рядков стоит на коленях Татьяна.

— Отбой, Таня, — сказал я, подходя. — Все остальное завтра. Пошли ужинать.

Она подняла голову:

— Сейчас пойдем, Петрович. Хорошо растут твои... Откуда, говоришь, орехи-то привез?

— Алтайские, а что?

— Ты молодец, Саша. Повезло нам! — передо мной стояла дриада.

— Ты?

— Я. Саша, один из орешков с этой делянки вырастает в Дерево. Какой именно — не знаю. Это можно будет определить лет через десять, хотя как — это еще надо подумать. От болезни он не умрет, мыши его не сожрут. Уничтожить его сейчас можно, только если сжечь. Но особенно не расслабляйся... Главное уже получилось, но еще немало работы впереди. Когда рубят лес, кто-то должен его сажать.

— Значит... Один из миллиона... А как ты...

— Помнишь, когда я на работу поступила? Когда они проросли.

Да, я помнил. Приехала из Москвы на электричке простецкого вида тетка лет сорока — сорока пяти, с большой спортивной сумкой и запиской от кадровика: поселить в вагончик и поставить к саженцам хвойных. Я так и сделал и со временем подумал, что не прогадал: тетка была незаметная и старательная, дело знала, пила в меру, то есть по праздникам и понемногу. Кто бы мог подумать...

— Ну ладно. Пошли, Петрович, в самом деле, поедим, да и отдохнуть пора. — Татьяна, вытерев ладони о штаны, подняла из борозды мотыжку. — Нет, и правда, славно как растут. Ты, видать, петушиное слово знаешь, а?

Я прокашлялся.

— Значит, так... Татьяна Васильевна!

— Аюшки?

— Как вы смотрите, если я вас к кедрам приставлю? В смысле, только к этим кедрам.

— А чё... Справлюсь, поди. Ну, если, конечно...

— Все будет, — заверил я ее, — и премия за приживаемость, и все прочее. А со всеми вопросами или что понадобится — прямо ко мне.

Об авторе

Виктор Банев (это псевдоним) родился в 1955 году в Челябинске, учился в Москве, но ВУЗ не закончил. Работал на разных промышленных предприятиях (радиомеханик, регулировщик РЭА, электрик, опять регулировщик). Жил на Урале, в Новгороде, в Москве, в Калининградской области. Перестал понимать, что происходит в стране и в мире, в 1980-х годах. Примерно в 1990 г. под действием этого непонимания начал писать, однако на публикацию решился только в 2006 году («Искатель» №7 2006). В 2003-м оставил город и живет в деревне в Ленинградской области. Пишет, читает, работает по дереву, копается во внутреннем мире — своем и других.